

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

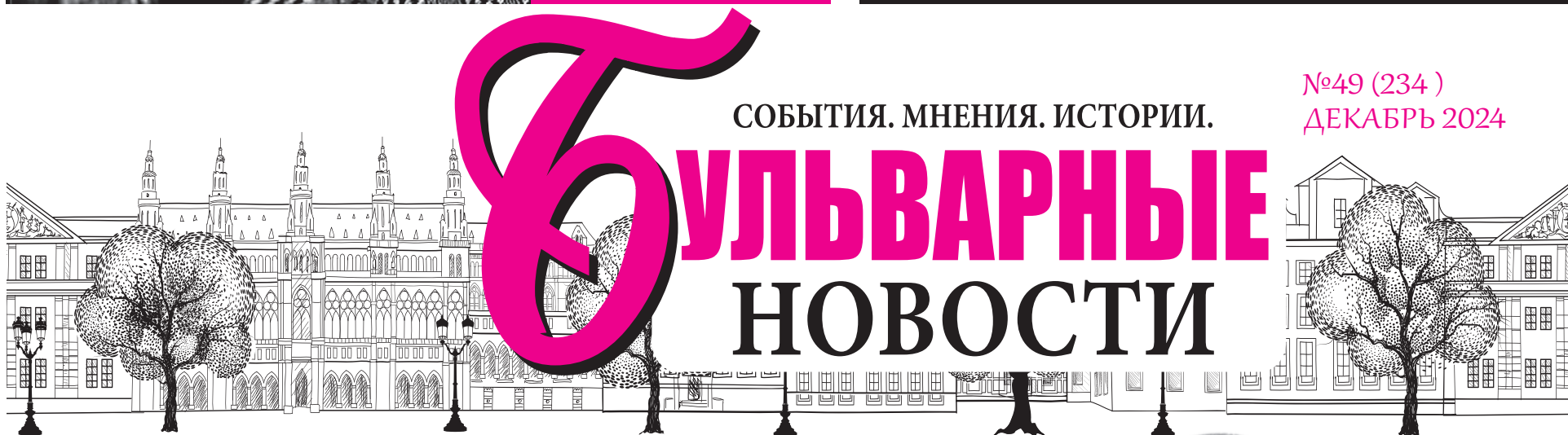
АКТЕР С БОЛЬШОЙ БУКВЫ

СТР.4-7

СТР.2-3

«МАФИЯ»: НОЧЬ ИГР

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№49 (234)
ДЕКАБРЬ 2024

БУЛЬВАРНЫЕ НОВОСТИ

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ

СТР.14-17

СТР.8-11

МУЗЫКА - МОЯ ЖИЗНЬ

Геннадий Норд

Случилось это давно. В Большом зале Центрального Дома литераторов концерт в честь моего юбилея. Тьма народу, подходят, поздравляют, что-то говорят, предлагают.

Слушаю в полуха, голова забита программой концерта. Участников слишком много, как их уместить в отведенные три часа, ума не приложу.

Знаменитый журналист Александр Романов подводит незнакомого парня.

- Познакомься, это Миша. Разреши ему спеть.

Говорю:

- Программа забита, вставить некуда. И потом я его не знаю. Как он выступит?

- Замечательно! Пусть споет хотя бы одну песню. Не пожалеешь. За него стыдно не будет.

- Хорошо. Только ради вас. Поставлю его в начале концерта на раскачку.

Такую бы раскачку каждому сборному концерту. Когда Миша запел своим насыщенным басом «Вдоль по Питерской», зал взорвался аплодисментами и криками «Браво!».

Михаил Гужов, солист «Геликон-опера», задал такую высокую планку концерту, что все выступавшие за ним старались соответствовать этому высочайшему уровню.

Он работал слесарем-инструментальщиком на автозаводе и играл на трубе в самодеятельном оркестре, но в итоге стал оперным певцом, заслуженным артистом, служил в Большом театре, гастролировал в Италии, Франции, Испании, Великобритании, Китае.

Сегодня его называют народным достоянием.

В роли Водяного в опере «Русалка» Дворжака

И - Ты давно поешь?

- У меня была возможность запеть ещё в четыре года, в детском садике. Мы готовили концерт, долго репетировали. Одна девочка должна была петь. На репетициях всё было хорошо, а когда начался концерт, она испугалась, заплакала и убежала. Баянист спросил:

- Кто может спеть?

Я сказал:

- Давайте я спою.

Причём, до этого ни разу рот не открывал, а тут спел. Все аплодировали, удивлялись. Это был первый успех.

Маме посоветовали отдать меня в музыкальную школу. Она меня привела в Гнесинку. Зашли в класс, там комиссия сидит, все серьёзные. Маме сказали:

- Вы подождите за дверью, а мы послушаем вашего ребёнка.

На что я ответил:

- Без мамы петь не буду!

И ушёл. На этом моя детская песенная карьера закончилась, так и не начавшись.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ

И - То есть, ты учился в обычной школе?

- Да. Окончив восемь классов, пошёл в ПТУ на слесаря-инструментальщика. На втором курсе комсорг, стараясь выполнить план по участию в самодеятельности, записал меня в духовой оркестр.

Моё знакомство с музыкой началось с трубы. Переиграл, практически, на всех духовых инструментах, кроме тромбона.

После ПТУ попал на автозавод имени Ленинского комсомола, играл в оркестре при доме культуры АЗЛК. К тому времени медные духовые я уже освоил, научился играть на гитаре. И тут пришёл новый руководитель - Виктор Иванович

Соловьёв. Я ему решил показать всё, чему меня научили: поиграл на духовых, на гитаре, спел, он проникся. И сказал:

- Кажется, у тебя голос. Тебе надо петь.

Я сначала отнекивался. Лучше работать на заводе со штампами. Но Виктор Иванович настаивал. И вот так он мне на мозги капал, капал, а потом чуть не зашиворот привёл в музыкальное училище имени Ипполитова-Иванова.

Меня взяли на подкурс. Я попал в совершенно другой мир. Нам преподавали искусство речи, вокал, фортепиано и другие предметы. Сольфеджио я уже освоил, когда играл на трубе. И дыхание, которое я поставил себе во время игры на трубе, правильно сказалось на вокале. Всё происходило довольно стремительно. Меня приняли на основ-

ной курс. Я понял, что оперное искусство мне гораздо ближе и интереснее, чем работа на заводе. Ушёл с завода, хотя приобретённые навыки потом в жизни пригодились. Проучился два года в Ипполитовском училище и поступил в консерваторию, в класс - тогда ещё доцента - Анатолия Александровича Лошака.

И - У тебя музыкальная семья?

- В моей семье никто профессионально музыкой не занимался. Хотя отец был в армии запевалой. Мама тоже любила напевать. Предпочитала эстраду, но оперу понимала. Моё пение ей нравилось. Она приходила на спектакли в «Геликон-оперу». И когда мне кричали «браво!», говорила:

- Это мой сын, я горжусь, что мой сын так поёт!

У супруги голос шикарного тембра меццо-сопрано.

Наш маленький ребёнок тоже уже начинает петь, махать руками. Кто из него получится - то ли певец, то ли дирижёр?

Когда приходят друзья и родственники, мы собираемся за столом на праздники, на именины и, конечно, поём старинные романсы, русские народные песни «По Дону гуляет», «Степь да степь кругом».

Некоторые стесняются

петь с оперными певцами. Но мы же не на конкурсе! Главное - с душой петь.

Однако, когда я ушёл с завода, мои родные, особенно со стороны отца-инженера, были не очень довольны. Они хотели, чтобы я связал жизнь с машиностроением. Заработок на какое-то время прекратился. Я работал почтальоном, разгружал на овощных базах картошку и капусту, чтобы подзаработать. Но ни разу не пожалел о своём выборе.

И - Ты быстро адаптировался после завода в мире искусства?

- Я даже не ожидал, что так быстро перейду из рабочей специальности на вокал. В 1990 году я поступил в консерваторию. В 1992 году прослушался в Московский музыкальный театр имени Станиславского и Немировича-Данченко. Проверка-стажировка длилась месяц, потом меня взяли в штат. Это было приятно и неожиданно.

В театре Станиславского тогда была очень сильная труппа, «старая гвардия», от которой многому можно было научиться: шикарный драм-баритон Анатолий Кичигин, потрясающие басы - Леонид Иванович Болдин и Леонид Орестович Зимненко, Лариса Григорьевна Штанько - колоратурное сопрано, Николай Леонардович Гуторович, Вячеслав Осипов, Борис Николаевич Кудрявцев. Все они очень сильные мастера, не просто оперные певцы, а ещё и потрясающие, невероятные актёры, которые посредством голоса могут выражать все свои внутренние артистические и вокально-исполнительские данные.

И - И ты уже начал играть в театре?

- Я ещё учился на втором курсе консерватории, поэтому особо не пел, на-

бирался опыта. В основном мне давали маленькие роли, например Сурина и Зарецкого в «Пиковой даме».

■ - Долго служил в театре Станиславского?

- Я прослужил в театре шесть лет. Было немало забавных случаев. В самом начале я пел с Леонидом Зимненко. Я пел оруженосца, а он - герцога де Сильву в опере Верди «Эрнани». И в один прекрасный момент Леонид Орестович не вышел на сцену. А я выучил всю партию герцога. И запел вместо него речитативный кусок. Он потом рассказывал:

- Сижу, вдруг слышу по радио - это что, я пою? И бегом на сцену. Вышел, допел свою арию. И уже дальше по сценарию. Опера итальянская, зрители, может, не поняли.

■ - А потом в Большой?

- Не так сразу. В 1997 году мне предложили прослушаться в «Геликон-оперу». Проблема с басами всегда была. Меня взяли на разовые роли. Моя первая роль была царь Египта в «Аиде» и Рамфис, верховный жрец. А основная работа была в штате театра Станиславского.

К тому времени я начал участвовать в конкурсах. В 1997 году стал лауреатом конкурса Рахманинова и там же лауреатом премии Фёдора Шаляпина.

В 1998 году на третьем Международном конкурсе имени Римского-Корсакова в Петербурге я получил четвертую премию и стал лауреатом. Там было всего один Гран-при и три премии. А четвертую премию специально ради меня сделала председатель жюри этого конкурса Елена Васильевна Образцова. Это было очень приятно.

После этого режиссёр дал мне роль герцога де Сильвы в опере «Эрнани» Верди.

А потом, в 1998 году, я узнал о прослушивании в Большом театре и решил попробовать свои силы. Конкурс был - 250 человек на пять мест. И я попал в эту пятёрку. Я был настолько счастлив! В результате с театром Станиславского расстался, хотя в Большой театр меня взяли на разовые спектакли. Я пел с Марком Фридриховичем Эрмлером, с Евгением Нестеренко, с Зурабом Соткилавой. Спел много ролей - более 70 оперных партий. Из них около 40 - ведущие.

■ - Помимо театра, наверное, была еще и концертная деятельность?

- Была. Мне посчастливилось выступать с Людмилой Зыкиной. У Людмилы Георгиевны репертуар был фантастически богатый. Мы гастролировали по Дальнему Востоку. Дали концерт в Хабаровске и поехали в Комсомольск-на-Амуре. Ехать нужно было больше шести часов. Дорога тогда была вся в колдобинах. Сели в автобусы, тряслись часа три. Пришло время сделать остановку. Все разбежались по кустикам. Кругом тайга. Я тоже «разбежался». Потом вышел на дорогу, смотрю, автобусов нет. Меня забыли и уехали.

■ - Как поступил?

- Стою один, как перст, в этой тайге. А это же не просто лес - там медведи, тигры бродят. И вдруг на дороге показался джип. Я замахал руками. Джип остановился. За рулём сидел мужчина. Рядом женщина, маленькая, шустренькая, интеллигентная. Они меня подобрали, сказали:

- Мы вас быстренько довезём, не волнуйтесь.

Их лица показались мне очень знакомыми, но я не придал этому значения. Сел. Поехали. Догнали автобусы. Там уже спохватились, что меня нет. А тут и я на джипе. Я попросил, чтобы меня довезли до гостиницы. И вот Зыкина, весь ансамбль и мой чемодан поехали дальше в автобусе, а я на джипе. Оказалось, что за рулём сидел Николай Добронравов, а рядом - Александра Пахмутова. Я потом извинился, что сразу их не узнал.

Вот так Зыкина меня оставила в тайге, а Пахмутова с Добронравовым подобрали.

■ - Где лучше всего принимали?

- Во время концертов нас тепло принимали везде. Но самый горячий приём был в Тирасполе. Там творилось что-то невообразимое. Было такое ощущение, будто я знаком со зрителями тысячу лет.

В роли Кухарочки в опере «Любовь к трём апельсинам» Прокофьева

В Ульяновске я пел три или четыре раза. Публика очень радушная, принимают душевно.

Очень люблю петь с оркестром народных инструментов. Петь с «народниками» - особое удовольствие. Такой колорит! Такие краски! Ты по-новому раскрываешь свой тембр, по-другому всё чувствуешь. И это полезно. Весь опыт переносится на выступление с симфоническим оркестром. Когда оперный певец поёт с народным оркестром, он раскрывается по-новому. И публика принимает по-особому. Происходит мощный обмен энергетикой. Какая-то магия на сцене творится.

■ - Ты получил звание заслуженного артиста. Какие мысли и чувства испытал?

- Я уже человек не советской эпохи, вот когда это звание получали Ирина Константиновна Архипова, Владимир Андреевич Атлантов... Сейчас значение этого звания поменялось, потому что в то время к званию прилагалось множество льгот, но я об этом не думаю.

Галина Павловна Вишневская однажды сказала:

- Звания в Советском Союзе давали потому, что платить было нечем, а звание повышало зарплату.

Я видел таких актеров, которые получали звание и говорили себе - я гений, тогда у них в жизни наступала остановка.

Наличие звания не должно ослаблять мое стремление развиваться творчески, совершенствовать мастерство артиста. Меня это наоборот подстегивает, поднимает планку. Я учу партии, нахожу новые краски, хотя, конечно, не знаю, может ли влиять звание на это, я сам еще до конца не понял, но в любом случае - это приятно, и я благодарен «Геликону» и Дмитрию Александровичу Бертману, что такое событие произошло в моей жизни.

■ - Ты пришел в профессию еще студентом...

- Да, в Театр Станиславского пришел студентом второго курса Консерватории, как раз в тот момент, когда театр раскололся, и часть музыкантов ушла к Колобову в «Новую оперу». А я просто ходил со своим другом певцом Ахметом Агади смотреть спектакли, и он предложил:

- Может быть, пойти и прослушаться в театре?

Меня поддержал и мой педагог, замечательный баритон Анатолий Александрович Лошак.

А, может быть, и еще раньше я стал интересоваться профессией оперного

Окончание. Начало на с. 15

певца. Когда я пришел в Консерваторию, то стал сразу посещать Оперную студию - Оперный театр Московской консерватории. По актерскому мастерству у нас был педагог Борис Александрович Персиянов. Мне сразу было интересно принимать участие в спектаклях.

Да и еще на подкурсе в училище Ипполитова-Иванова меня интересовал именно оперный театр. Все студенты находили себе образцы для подражания, и я не был исключением, я нашел для

себя образец - Федора Ивановича Шаляпина, переслушал все записи. Педагоги конечно меня ругали.

Только потом я понял, что надо исходить из своего естества, индивидуальности. Титта Руффо сказал:

- Самый плохой оригинал всегда лучше хорошей копии.

— Сейчас уже можно говорить о твоей индивидуальности?

- Я считаю, что оперный певец должен быть многогранным и петь старинную музыку, народную, оперы, романсы. Чем

В образе Бориса Годунова

С Геннадием Нордом и Александром Романовым

шире у тебя репертуар камерный, тем шире у тебя возможность создать краску и в опере.

Я пою городской старинный романс и могу потом что-то привнести в оперную партию, голос обогащается, насыщается красками, содержанием, я понимаю, как надо интонировать.

Борис Годунов - это одно, Иван Сусанин - это совсем другое, а Линдорф из «Сказок Гофмана» - это третье. Совершенно разные по духу персонажи. И очень сложно спеть спектакль «Сказки Гофмана», а через день, к примеру, надо петь Царя Додона. Это очень сложно, я вживаюсь в образ, и для того, что бы переключиться, нужно время, а не всегда оно есть. Но артист в современном театре просто обязан уметь это делать быстро. И «Геликон» мне дал в этом плане очень много. Совершенно искренне, положила руку на сердце, я говорю - без «Геликона» я бы не состоялся как артист.

Я пришел в театр в 1997 году на роль Фараона в «Аиде», и понял, что надо все быстро учить, быстро схватывать.

В Большой театр я попал в 1998 году и застал еще тот Большой театр, когда художественным руководителем оперной труппы была Бэла Андреевна Руденко, музыкальным руководителем был Марк Фридрихович Эрмлер и была плеяда великих певцов, я смог набраться вокально-исполнительского мастерства.

А в «Геликоне» происходило становление творческой личности. Шаляпин говорил:

- Очень трудно совместить драматическое искусство с вокалом.

Мне повезло, и я в своей жизни получил комплекс. И я считаю, что можно и нужно совмещать, эти два вида объединяет наша органика. Актерские краски, сценические жесты развивают тебя как певца. По мере работы в «Геликоне» над новыми ролями я развивался и как певец.

Случается, конечно, что актерство может так захлестнуть, что ты можешь уйти от вокала, это тонкий процесс и надо тщательно следить за ним. Ни в коем случае не должно быть одно в ущерб другому, должен быть органический комплекс.

Когда ты поешь роль, возвращаешься к ней еще и еще раз, и появляется все время новое.

- Я слышал, многие певцы рассуждают, что надоело петь одно и то же.

- Я не могу спеть одинаково одно и то же произведение. Я считаю, что это неправильный подход.

Каждый раз к одному произведению можно подходить по-разному.

Для меня труд композитора сравним с трудом художника. Я часто бываю в Третьяковской галерее, смотрю Врубеля. Каждый мазок, как и каждая нота у композитора, написаны кровью. Столько мыслей чувств, и, исполняя произведение, я только приближаюсь к замыслам, познаю каждый раз новое. И если я чувствую, что композитор вложил свою душу в произведение, то я должен так же подходить к его исполнению. Это сотворчество, это творческое притяжение.

- Так что же для тебя при таком подходе, например, партия Бориса Годунова?

- С этой ролью у меня очень много связано. Редакция Дмитрия Шостаковича, в которой мы исполняем спектакль, для меня была сложна на первом этапе. Поскольку до этого я пел партию Бориса в редакции Римского-Корсакова. Обычно все басы поют именно в этой редакции, и мне пришлось перестраиваться. Очень много отличий. Сцена «Терем», монолог «Достиг я высшей власти», у Римского-Корсакова Борис более эпический, возвышенный - «Тяжка десница грозного судьи...»

У Шостаковича Борис более человечен, не пафосный, а семейный человек. Что полностью соответствовало режиссерской идее Дмитрия Бермана. В «Тереме» он предстает не как царь, а как отец любящий своих детей, он отводит душу, разговаривает с детьми, отдыхает от тяжелой десницы власти.

От возвышенной поэзии Пушкина мне пришлось спуститься на землю, убрать пафос, это был новый персонаж для меня. Глубокий драматический образ, на котором многие басы совершенствуются. Здесь можно бесконечно искать и находить разные краски.

У меня с Борисом Годуновым вообще своя история взаимоотношений. Однажды я ехал в машине из Самары в Чебоксары, где должен был петь Варлаама. Доучиваю партию на ходу. Вдруг раздастся звонок, и меня просят спеть Бориса, снова в редакции Римского-Корсакова. И я спел, перестроился после редакции Шостаковича.

А потом пригласили в постановку «Бориса Годунова» режиссера Нины Чусовой, после реконструкции Самарского оперного театра. И там я пел партию в первой редакции Мусоргского.

- Ты пел Бориса на открытом воздухе в Коломенском на площади. Что-то менялось?

- Это очень интересный опыт для меня. Я в таких акциях участвовал. В Печерском монастыре на открытом воздухе, но пел не Бориса Годунова. Так что Борис на открытом воздухе - другое внутреннее ощущение, интересное, новое.

